

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОЗИТИВНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Н.А. Боброва, В.Н. Сидоров*Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

26 июня 2017 г.

Дата принятия в печать –

10 июля 2017 г.

Дата онлайн-размещения –

30 сентября 2017 г.

Ключевые слова

Конституционная

ответственность,

конституционно-правовая

ответственность,

конституционное

правоотношение, позитивная

конституционная

ответственность, юридическая

природа, доктрина

конституционализма

Статья посвящена теоретическому обоснованию юридической природы института позитивной конституционной ответственности, ее роли в закреплении и поддержании режима конституционной законности. Прослеживается эволюция взглядов на институт позитивной конституционной ответственности с первых работ о ней (С.А. Авакьян, Ю.П. Ерёмченко, Ф.М. Рудинский, Н.А. Боброва) до настоящего времени. Сомнения в юридической природе позитивной конституционной ответственности вплоть до ее полного отрицания тождественны сомнениям в юридической природе многих конституционных норм, отрицанию их прямого действия. Эти споры будут продолжаться вечно. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления механизмов применения конституционной ответственности в России.

LEGAL NATURE OF THE POSITIVE CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY

Natalia A. Bobrova, Vladimir. N. Sidorov*Samara National Research University, Samara, Russia***Article info**

Received – 2017 June 26

Accepted – 2017 July 10

Available online – 2017 September
30**Keywords**Constitutional responsibility,
constitutional-legal responsibility,
constitutional-legal relation,
positive constitutional
responsibility, legal nature,
doctrine of constitutionalism

The subject of the paper is theoretical justification of legal nature of positive constitutional responsibility legal institute. The evolution of views on the institution of positive constitutional responsibility from the first works on it (S.A. Avak'yan, Yu.P. Eremenko, F.M. Rudinsky, N.A. Bobrova) to the present time is analyzed.

The purpose is to clarify its role in establishment and maintaining the regime of constitutional legality.

The results, scope of application. Doubts about the legal nature of positive constitutional responsibility up to its complete denial are identical with doubts about the legal nature of many constitutional norms, the denial of their direct action. These disputes will last forever. Direct service of constitutional and legal responsibility to the quality of governance is a feature of this type of legal responsibility along with its pronounced political character, as well as the specific guilt of the subject of constitutional tort (liability not only for their acts but for the acts of their subordinates).

The emphasis on positive moral aspect to the detriment of "sanction" (retrospective) aspect of the constitutional responsibility does not meet the challenges of the new time.

Proponents of affirmative responsibility had good purpose to build its high creative and educational role from the positive side of the legal liability. However, this good purpose in practice has not led to optimistic results.

The authors come to the conclusion the legal regulation of mechanisms of responsibility enforcement in Russia is necessary.

1. Генезис научных подходов к осмыслению позитивной конституционно-правовой ответственности

Впервые в юридической литературе подразделять ответственность на позитивную (проспективную) и негативную (ретроспективную) предложили И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин в своей монографии «Ответственность по советскому законодательству» [1, с. 42], опубликованной в 1971 г. Потребность в такой дифференциации возникла именно потому, что не всякий термин «ответственность», активно употреблявшийся в советском законодательстве применительно к разным субъектам государственного права, вписывался в традиционное понятие юридической ответственности как наказания, реакции государства на правонарушение, применения санкций.

Так, в советских нормативных актах устанавливалась ответственность народных депутатов всех уровней перед избирателями. Эта ответственность имела не только морально-политический характер (что само по себе немало), но и юридический, поскольку подкреплялась императивным мандатом, включавшим в себя:

1) обязанность депутата отчитываться перед избирателями не менее двух раз в год;

2) обязанность выполнять указы избирателей (понятие и процедура принятия наказов на собраниях избирателей, их сведение в планы работы соответствующих Советов народных депутатов подробно регламентировались);

3) возможность быть отозванными избирателями в установленных процедурах за неоправдание депутатом их доверия, выразившееся в невыполнении депутатских обязанностей или совершении депутатом аморального поступка.

В законодательстве говорилось также об ответственности постоянных комиссий перед сформировавшими их Советами народных депутатов, ответственности и подотчетности перед Верховным Советом СССР образуемых им органов СССР: Совета Министров СССР, Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР.

Приходило осознание того, что данная ответственность никак не вписывается во все имеющиеся виды юридической ответственности, с одной стороны, и не может быть сведена исключительно к моральной и политической ответственности – с другой, поскольку моральная и политическая норма, закрепленная в правовых нормах, перестает быть про-

сто моральной и политической нормой: она приобретает юридическое значение.

Осмысление позитивной юридической ответственности закономерно стало предметом рассмотрения именно ученых-государствоведов (так именовались конституционалисты до переименования государственного права в конституционное), поскольку именно в этой отрасли законодательства и права родился и получил научное осмысление названный феномен.

Первыми учеными, изучавшими феномен государственно-правовой (впоследствии – конституционно-правовой) ответственности, были С.А. Авакьян [2; 3], Ю.П. Ерёмченко и Ф.М. Рудинский [4], Н.А. Боброва [5; 6].

В 1984 и 1985 гг. появились первые три монографии Н.А. Бобровой и Т.Д. Зражевской, посвященные этому феномену [7–9].

В 1999 г. вышел учебник конституционного (государственного) права Е.И. Колушина, в котором впервые выделена самостоятельная лекция «Ответственность в конституционном праве» [10, с. 21–28], причем эта лекция вошла в первый раздел сразу после лекций о предмете отрасли и науке конституционного права.

С 2000 г. начался буквально вал литературы, посвященной институту ответственности в конституционном праве, и один только перечень этих работ занял бы пять-шесть страниц. Имена их авторов традиционно включаются во введение соответствующих диссертаций, статей и монографий.

2. Юридический характер конституционной ответственности

Почти полувековая история исследования института государственно-правовой (конституционно-правовой) ответственности, казалось бы, привела практически всех конституционалистов к признанию юридического характера этой ответственности. Более того, большинство современных учебников по теории государства и права включают конституционную ответственность в качестве самостоятельного вида юридической ответственности.

Правда, если открыть интернет-материалы, найденные по ключевым словам «конституционная ответственность», то в них обнаруживается, что развитие конституционной ответственности обязано не политическому заказу, а развитию научной мысли.

Однако это довольно двусмысленный «комплимент» конституционной ответственности, ведь само по себе развитие научной мысли, не имея под собой объективной основы, может пойти по разным, в том

числе ложным, направлениям. И неизвестно, какое направление научной мысли является более верным: то, которое настаивает на юридическом характере позитивной конституционной ответственности, или то, которое подвергает его сомнению.

Причем даже в современный период развития науки некоторые авторы подвергают сомнению юридический характер не только позитивной конституционной ответственности, но и конституционной ответственности в целом как самостоятельного вида ответственности вместе со всеми ее санкциями, сколько бы их ни насчитывалось. Так, в учебнике С.А. Авакьяна мер негативной конституционной ответственности (санкций) насчитывается более сорока и они довольно разнообразны [11, с. 108–124].

Несмотря ни на что, известный административист, первый заместитель председателя Верховного Суда РФ П.П. Серков в своей монографии заявляет, что конституционные нормы и нормы иного конституционного законодательства не способны закрепить юридическую ответственность [12, с. 33], а юридическая обязанность не может быть одновременно и юридической ответственностью [12, с. 78]; наличие неправомерного поведения еще не означает существования юридической ответственности негативного вида, если нет материально-процессуального регулирования [12, с. 85]; характер и степень опасности конституционной противоправности действий (бездействия) неизвестны [12, с. 132]; в обзриваемых исследованиях не удастся найти доказательств актуальности конституционной ответственности и необходимости ее адекватного правового оформления, хотя конституционная ответственность, в отличие от традиционных видов юридической ответственности, имеющих межотраслевой характер, претендует на отраслевой характер [12, с. 12–27]. П.П. Серков, признавая наличие только конкретных правоотношений и отрицая юридическую природу общих правоотношений [12, с. 423–428], саму возможность существования общих конституционных правоотношений, тем самым отрицает позитивную конституционную ответственность в смысле подотчетности и подконтрольности одних субъектов права другим, ибо позитивная конституционная ответственность, по большому счету, только в рамках общих конституционных отношений и реализуется.

Но П.П. Серков не останавливается на отрицании наличия позитивной юридической ответственности в регулятивном правовом регулировании. Он отрицает наличие признаков юридической ответственности и в таких правоохранительных мерах, как признание нормативного правового акта недействующим и не подлежащим применению [12, с. 34–35].

Характер юридической ответственности не отрицается им разве что только применительно к досрочному лишению депутатских полномочий за установленные в судебном порядке проступки депутата [12, с. 329].

Кстати, возможность досрочного лишения полномочий депутата Государственной Думы РФ за пропуск по неуважительным причинам более чем тридцати ее пленарных заседаний (с формулировкой «за систематическое неисполнение обязанностей депутата»)¹ – дополнительный аргумент в пользу развития института негативной конституционно-правовой ответственности.

П.П. Серков претендует на полное переосмысление достигнутого уровня исследования конституционной ответственности, заявляя о том, что господствующая гипотеза о наличии конституционной ответственности, мерах этой ответственности дезориентирует общественное сознание, недостатки ее не исправимы, поэтому требуются качественно иные подходы [12, с. 407].

По мнению П.П. Серкова, не относятся к мерам конституционной ответственности отрешение Президента РФ от должности, отставка Правительства РФ, отмена регистрации кандидата на выборную должность, роспуск (досрочное прекращение) полномочий избирательной комиссии, федеральное вмешательство в дела субъекта Российской Федерации и другие предусмотренные конституционным законодательством меры конституционно-правового воздействия на субъектов конституционно-правовых отношений.

Все подобные меры государственного реагирования П.П. Серков именует организационными мероприятиями по совершенствованию государственного управления [12, с. 232], и даже Конституционный Суд РФ, признавший конституционную ответственность (досрочное лишение депутатских полномочий), ее, по мнению П.П. Серкова, не легализует, а лишь высказывает заинтересованность в

¹ Федеральный закон от 3 мая 2017 г. № 140-ФЗ «О внесении изменений в ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата

Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 19. Ст. 2670.

том, чтобы государственная власть и должностные лица ответственно и добросовестно исполняли свои обязанности [12, с. 330–331].

Самый подробный анализ ошибочности и противоречивости заявлений П.П. Серкова дал в своей рецензии на его книгу Е.И. Колюшин, который, в частности, пишет: «Получается, что Конституционный Суд РФ не привлекает к юридической ответственности, что он встроен в систему принятия мер по совершенствованию государственного управления» [13, с. 77–78].

На наш взгляд, служение конституционно-правовой ответственности эффективности государственного управления и юридический характер этой ответственности – это не взаимоисключающие, а взаимодополняющие факторы. Одно другому не только не мешает, но и помогает. Прямое служение конституционно-правовой ответственности качеству государственного управления – это особенность данного вида юридической ответственности наряду с его ярко выраженным политическим характером, а также спецификой вины субъекта конституционного деликта (ответственность не только за свои деяния, но и за деяния своих подчиненных).

Профессор Б.М. Лазарев отмечал, что «практике крайне необходимо комплексное понимание проявления, сочетания и эффективности различных видов и форм ответственности не только с точки зрения реализации правовых норм, но и с точки зрения реального обеспечения качества управления и его эффективности» [14, с. 10]. Об этом же пишет нобелевский лауреат 1986 г. по экономике (в области принятия управленческих решений) Дж. Бьюкенен [15].

3. Значение теории позитивной конституционной ответственности в современных условиях

Спецификой конституционной ответственности как вида юридической ответственности признается ее позитивная сторона: это состояние ответственности, ответственность за что-либо перед кем-либо, обязанность подчиняться кому-то, отчитываться перед кем-то. Например, ответственность президента перед народом, институт ежегодного отчета правительства перед Государственной Думой, ответственность должностного лица за исполнение своих должностных обязанностей, функций, компетенции.

Специфична в конституционной ответственности, как мы отметили, и вина субъекта: должностное лицо несет ответственность не только за свою деятельность, но и за деятельность своих подчиненных.

Однако разгул безответственности государственной власти перед своим народом, депутатов –

перед своими избирателями в «лихие 90-е» заставил по-новому взглянуть на позитивную конституционную ответственность.

Обнаружилось, что теория позитивной юридической ответственности как бы позволяла подменять реальную юридическую ответственность разговорами о некой особой миссии позитивно ответственных лиц, что помогало последним элементарно избегать реальной юридической ответственности.

Акцент на позитивно-нравственный аспект в ущерб «санкционному», ретроспективному аспекту конституционной ответственности не удовлетворяет вызовам нового времени.

Более того, в жизни встречаются должностные лица, которые понимают сферу своей ответственности исключительно как собственную прерогативу, в которую никто не вправе вмешиваться и тем более контролировать. Как это ни парадоксально, на практике должностные лица формулу, определяющую сферу своей ответственности, трактуют как полную свободу в этой сфере – считай, полную безответственность. Например, именно с таким понимаем ответственности авторы этих строк столкнулись в лице вузовского руководства.

Не случайно некоторые ученые отказали позитивной конституционной ответственности в юридической природе, отнеся ее к политической сфере и отведя ей лишь профилактическую роль в конституционных правоотношениях.

Власть во все времена «бежит» от собственно юридической ответственности, не избегая при этом демагогических рассуждений о некой абстрактной позитивной ответственности. Конституционалисты увлеклись обоснованием позитивной юридической ответственности, проявив вполне понятный научный романтизм.

Такой же романтизм проявила в своих ранних научных трудах и соавтор настоящих строк, о чем честно написала в монографии 2003 г. [16, с. 242–251]. Суровые реалии показали, что теоретические конструкции позитивной ответственности государства, его органов и должностных лиц увели от их ответственности в собственно юридическом смысле в сферу нравственности, которая мало беспокоила государство в эпоху циничного режима 90-х гг.

Увы, романтические научные конструкции в известной степени явились научным «обоснованием» фактической безответственности власти, якобы ответственной исключительно в позитивном смысле. Этот научный романтизм не только не преодолен, но и получает дополнительные стимулы для

своего культивирования. Ученые продолжают говорить об ответственности как неотъемлемом признаке «пирамиды государственной власти». Но ведь это не что иное, как априорное амнистирование всей пирамиды власти, ведь свобода действовать определенным образом исходит от вершины пирамиды.

Ко многим звеньям властной пирамиды оказалось невозможным применить юридическую ответственность за гигантский ущерб государству. Поэтому вполне понятна ирония А.А. Белкина и А.С. Бурмистрова, полагавших, что «в этих обстоятельствах обращение к ответственности государства всего лишь маскирует безответственность власти»; «бегство от свободы» оказывается единственной реальностью, с которой полезно иметь дело юридической науке» [17, с. 100]. За антинародные деяния власти не применяются даже такие «несерьезные» санкции, как отставка. Характеристика конституционной ответственности как «чувства ответственности власти» – из области романтики.

Мы не отрицаем, что нравственная ответственность власти существует и эту высокую ответственность за судьбу России несет Президент РФ В.В. Путин, но к собственно юридической ответственности это не имеет отношения.

Кто-то может возразить: мол, Президент РФ с момента принесения присяги перед народом тем самым возлагает на себя конституционную ответственность перед народом на основании ст. 82 Конституции РФ. Однако присягу приносил и Б.Н. Ельцин, что не помешало ему разрушить страну и обездолить ее народ. Возможность же отрешения Президента РФ от должности как конституционно-правовая ответственность, предусмотренная ст. 93 Конституции РФ, оказалась в случае с Б.Н. Ельциным труднореализуемой и в силу сложной процедуры применения этого института (он регламентирован столь жестко, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем применить и довести до конца институт отрешения Президента РФ от должности), и в силу конституционной слабости и зависимости самого российского парламента, и в силу конституционно заложенной «тормозящей» роли его второй палаты (если бы даже Госдума и смогла набрать необходимые две трети голосов за отрешение Б.Н. Ельцина от должности, то их не набралось бы в Совете Федерации), и в силу беспрецедентного давления на депутатский корпус (кого-то пугали компроматом, кого-то обезоруживали «выгодными предложениями» и т. д.).

Более того, если развивать эту неблагоприятную тему, то можно напомнить о том, что институт юридической безответственности главы государства всегда являлся обязательным элементом монархии и даже одним из признаков абсолютизма. Этот безусловно монархический по своей природе институт в определенной степени вернулся в политическую жизнь российского государства в виде недопустимости привлечения к юридической ответственности бывшего президента и его семьи за деяния, совершенные в период исполнения полномочий президента. Но, видимо, принятие такого указа было условием, поставленным Б.Н. Ельциным своему преемнику.

Говоря о реалиях ельцинского периода, А.А. Белкин и А.С. Бурмистров горько иронизировали по поводу того, что «правительству нести ответственность от лица государства совсем нетрудно, ибо откровенно мифической является ответственность и Правительства, и государства. Но это нередко не только не критикуется, но и обосновывается... Возможно, приписываемая государству и его органам фальшивая конституционная ответственность выступает как неперемнная составляющая современного государства, которая в теории должна подвергаться лишь оправданию... Ответственность государства есть сугубо доктринальная конструкция, создающая лишь для романтиков желаемую перспективу» [17, с. 100].

С жесткой критикой названной теории позитивной ответственности выступил в свое время О.Э. Лейст: «Наиболее уязвимым звеном идеи правовой позитивной ответственности является невозможность определить ее юридические свойства и качества, чем-либо отличающиеся от известных понятий “обязанность”, “правомерное поведение”, “правосубъектность”, “деликтоспособность”, “выполнение обязательств” и др. Многолетние призывы разработать понятие правовой позитивной ответственности, раскрыв свойственное ей юридическое содержание, не пошли далее декларативных рассуждений»; «...сторонники идеи правовой позитивной ответственности не находят других доводов, кроме ссылок на принадлежащие неюристам рассуждения. От того, что фактическую безответственность мы станем именовать теоретической ответственностью, не продвинется ни разработка проблем правовой науки, ни борьба с правонарушениями» [18, с. 479, 489].

Б.А. Страшун также считал позитивную и негативную ответственность принципиально разными

понятиями, имея в виду, что слово «ответственность» в обоих словосочетаниях имеет различное значение, это омонимы [19, с. 71].

Сущность собственно юридической ответственности, состоящая в претерпевании ответственным лицом негативных последствий для себя лично за результаты своей (и своих подчиненных) деятельности, размывается такими категориями, как «осознание необходимости дать отчет», «ответственное состояние», «добросовестное отношение к своим обязанностям», «чувство ответственности». Сторонники позитивной ответственности имели благую цель выстроить из позитивной стороны юридической ответственности ее высокую созидательную и воспитательную роль. Однако эта благая цель на практике не привела к оптимистическим результатам.

А.С. Шабуров [20, с. 15–16] и другие ученые пытались предостеречь об опасности «морального дрейфа» в конструкции позитивной правовой ответственности, выгодной тем, кто хочет избежать настоящей юридической ответственности, подменив ее позитивной.

Излечение ученых от этой «романтической бациллы» оказалось делом неблагодарным, ибо культивирует эту бациллу сама власть, заинтересованная в том, чтобы реальная (юридическая) ответственность за результаты ее деятельности сместилась в субъективную сферу внутреннего состояния, дабы потребители теоретических конструкций прониклись осмыслением той тяжести ответственности (компетенции, функции, статуса), которую несут представители власти. И хотя попытки расширить понятие юридической ответственности через состояние воли ответственного лица и другие психологические качества личности оказались неудачными, эти попытки будут, на наш взгляд, продолжаться как отклик на специфику конституционных норм, отношений и институтов.

Кстати сказать, в современном законодательстве, регулирующем статус депутата, также указывается на ответственность депутата перед избирателями, но эта ответственность, имея под собой уже не императивный, а свободный мандат, легитимизирует юридическую безответственность депутата, сведение депутатской ответственности к морально-политической, что и позволило ученым отрицать юридический характер позитивной ответственности.

Как самый короткий анекдот воспринималось положение, согласно которому «Губернатор Самарской области ответственен перед Самарской Губернской Думой»² (ст. 67 Устава Самарской области), поскольку в реальности всё наоборот: дума полностью зависима от губернатора. Впоследствии эта формула заменена на институт ежегодного отчета правительства Самарской области (возглавляемого губернатором) перед Самарской губернской думой. Правда, данный институт заурегулирован настолько, что на практике превратился в пародию на реальную отчетность и ответственность.

Как мы уже указали, одним из первых, кто научно обосновал наличие конституционной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, в том числе в позитивном аспекте, был С.А. Авакьян. Тем более удивительным является тот факт, что в энциклопедическом словаре «Конституционное право» термин «ответственность юридическая» представлен исключительно в ретроспективном смысле [21, с. 409–411]. Более того, в энциклопедическом издании не нашлось места для понятия и даже самого термина «позитивная конституционная ответственность». А ведь ответственным редактором и руководителем авторского коллектива словаря является С.А. Авакьян! И хотя автором раздела об ответственности был теоретик права, это довольно досадный удар для ученых, отстаивающих позитивную конституционную ответственность. И то, что ей не нашлось места в энциклопедии «Конституционное право», есть своеобразная ирония судьбы. Это как бы иносказательный ответ на вопрос о том, есть ли в позитивной конституционной ответственности собственно юридическое содержание.

4. Выводы

Вопрос о том, сколько юридического содержания в конституционной ответственности Президента РФ перед народом, правительства перед Государственной Думой, глав регионов перед избравшим их населением и региональным законодательным собранием, представительных органов власти перед своим населением, которое они по определению представляют, депутатов перед избирателями и т. д., остается открытым. Собственно говоря, ответственность перед кем-либо за что-либо – это и есть позитивная ответственность в ее нравственном, политическом и юридическом измерениях.

² Устав Самарской области // Волжская коммуна. 1996. 15 июля.

Как это ни парадоксально, правы и те, кто доказывает юридическую природу позитивной конституционной ответственности, и те, кто считает эту ответственность «сугубо доктринальной конструкцией» [17, с. 102]. Ведь этот спор аналогичен спору о том, сколько же юридического содержания в кон-

ституционных нормах, особенно в абстрактных конституционных принципах. Ясно одно: если в каком-то конституционном нормативно-правовом акте употребляется термин «ответственность», то он должен получать максимально возможную юридическую регламентацию и гарантирование, чтобы не превратиться в сотрясение воздуха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М., 1971. – 244 с.
2. Авакьян С.А. Санкции в советском государственном праве / С.А. Авакьян // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 29–36.
3. Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность / С.А. Авакьян // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 16–24.
4. Ерёменко Ю.П. Проблемы ответственности в советском государственном праве / Ю.П. Ерёменко, Ф.М. Рудинский // Труды ВСШ МВД СССР. – Вып. 9. – Волгоград, 1974. – С. 29–34.
5. Боброва Н.А. Санкции в советском государственном праве. Актуальные проблемы советского строительства / Н.А. Боброва. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1975. – С. 7–12.
6. Боброва Н.А. Ответственность по советскому государственному праву. Актуальные проблемы советского государственного права / Н.А. Боброва. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1977. – С. 22–27.
7. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм / Н.А. Боброва. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1984. – 144 с.
8. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву / Т.Д. Зражевская. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1980. – 116 с.
9. Боброва Н.А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты) / Н.А. Боброва, Т.Д. Зражевская. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1985. – 154 с.
10. Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России / Е.И. Колюшин. – М.: МГУ, 1999. – 381 с.
11. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма-Инфра, 2014. – Т. 1. – 864 с.
12. Серков П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика / П.П. Серков. – М.: Норма, 2014. – 464 с.
13. Колюшин Е.И. Конституционная ответственность: фантом или реальность? Размышления по мотивам монографии: Серков П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М.: Норма, 2014. 464 с. / Е.И. Колюшин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 75–80.
14. Лазарев Б.М. Юридическая ответственность должностных лиц в управлении: научно-аналитический обзор / Б.М. Лазарев, В.Ф. Ломакина. – М., 1988. – 136 с.
15. Buchanan J.M. Constitutional Political Economy / J.M. Buchanan // The Encyclopedia of Public Choice. Dordrecht. – 2004. – Vol. 1. – P. 60.
16. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России / Н.А. Боброва. – М., 2003. – 266 с.
17. Белкин А.А. Конституционная ответственность / А.А. Белкин, А.С. Бурмистров // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран: сб. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 99–103.
18. Марченко М.Н. Методологические проблемы юридической ответственности / М.Н. Марченко, О.Э. Лейст, В.Д. Попков [и др.]; под ред. М.В. Марченко // Проблемы теории государства и права. – М.: Проспект, 1999. – 504 с.
19. Страшун Б.А. К понятию конституционной ответственности / Б.А. Страшун // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран: сб. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 70–77.

20. Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук / А.С. Шабуров. – Екатеринбург, 1992. – 48 с.

21. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. и руководитель авт. коллектива С.А. Авакьян. – М.: Норма, 2001. – 688 с.

REFERENCES

1. Samoshchenko I.S., Farukshin M.Kh. *Responsibility of the Soviet legislation*. Moscow, 1971. 244 p. (in Russ.).
2. Avak'yan S.A. Sanctions in the Soviet state law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1973, no. 11, pp. 29–36. (in Russ.).
3. Avak'yan S.A. *State-law responsibility*. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1975, no. 10, pp. 16–24. (in Russ.).
4. Eryomenko Yu.P., Rudinskiy F.M. Problems of responsibility in the Soviet state law, in: *Trudy VSSH MWD SSSR*. Volgograd, 1974. Iss. 9, pp. 29–34. (in Russ.).
5. Bobrova N.A. *Sanctions in the Soviet state law. Actual problems of Soviet construction*. Kyibystev, KGU Publ., 1975, pp. 7–12. (in Russ.).
6. Bobrova N.A. *Responsibility of the Soviet state law. Actual problems of Soviet state law*. Kuibystev, KGU Publ., 1977, pp. 22–27. (in Russ.).
7. Bobrova N.A. *Guarantees realization stat-law norm*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1984. 144 p. (in Russ.).
8. Zrazhevskaya T.D. *Responsibility of the Soviet state law*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1980. 116 p. (in Russ.).
9. Bobrova A., Zrazhevskaya T.D. *Responsibility in the system гарантуй of constitution norms (political and law aspect)*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1985. 154 p. (in Russ.).
10. Kolyushin E.I. *Constitutional (state) law of Russia*. Moscow, MGU Publ., 1999. 381 p. (in Russ.).
11. Avak'yan S.A. *Constitutional law of Russia*, Academic course, in 2 volumes. 5th ed., revised and enlarged. Moscow, Norma-Infra Publ., 2014. Vol. 1. 864 p. (in Russ.).
12. Sercov P.P. *Constitutional responsibility in the Russian Federation: contemporary theory and practice*. Moscow, Norma Publ., 2014. 464 p. (in Russ.).
13. Kolyushin E.I. Constitutional responsibility: phantom or reality. Thoughts on monograph: Sercov P.P. Constitutional responsibility in the Russian Federation: contemporary theory and practice. Moscow, NORMA Publ., 2014, 464 p. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 1, pp. 75–80. (in Russ.).
14. Lazarev B.M., Lomakina V.F. *Law responsibility office holders in the management: academi-analitic review*. Moscow, 1988. 136 p. (in Russ.).
15. Buchanan J. M. Constitutional Political Economy, in: *The Encyclopedia of Public Choice*. Dordrecht, 2004. Vol. 1, p. 60.
16. Bobrova N.A. *Constitutional system and constitutionalism in Russia*. Moscow, 2003. 266 p. (in Russ.).
17. Belkin A.A., Burmistrov A.S. Constitutional responsibility, in: Avak'yan S.A. (ed.). *Constitutional-law responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries*. Moscow, MGU Publ., 2001, pp. 99–103. (in Russ.).
18. Marchenko M.N. (ed.). *Problems of theory of state and law*. Moscow, Prospect Publ., 1999. 504 p. (in Russ.).
19. Strashun B.A. On the concept of constitutional law, in: *Constitutional-law responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries*. Moscow, MGU Publ., 2001, pp. 70–77. (in Russ.).
20. Shaburov A.S. *Political and law aspects of social responsibility of a person*, Doct. Diss. Thesis. Ekatherinburg, 1992. 48 p. (in Russ.).
21. Avak'yan S.A. (ed.). *Constitutional Law*, Encyclopedic Dictionary. Moscow, Norma Publ., 2001. 688 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры государственного и административного права

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Natalia A. Bobrova – Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of State and Administrative Law

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34
E-mail: bobrovana@mail.ru
SPIN-код: 4558-9297, AuthorID: 249980

Samara National Research University
34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russia
E-mail: bobrovana@mail.ru
SPIN-code: 4558-9297, AuthorID: 249980

Сидоров Владимир Николаевич – ассистент кафедры государственного и административного права
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
443086, Самара, Московское шоссе, д. 34
E-mail: sidorovvn9@rambler.ru

Vladimir N. Sidorov – Assistant, Department of State and Administrative Law
Samara National Research University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia
E-mail: sidorovvn9@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боброва Н.А. Юридическая природа позитивной конституционной ответственности / Н.А. Боброва, В.Н. Сидоров // Правоприменение. – 2017. Т. 1, № 3. – С. 62–70. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(3).62-70.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bobrova N.A., Sidorov V.N. Legal nature of the positive constitutional responsibility. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 62–70. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(3).62-70. (In Russ.).